

Дни становились всё жарче. В лавке всюду торговали сезонными морепродуктами, а следуя веяниям времени, в меню добавили ещё и речных раков.

Посетителей, заглядывающих на ночной перекус, становилось всё больше, и работа закипела с новой силой. Найти помощников в межсезонье оказалось задачей не из лёгких, поэтому двух официантов, которых Бу Ли поначалу планировал уволить, пришлось оставить.

Посоветовавшись с родителями, он от лица заведения полностью рассчитался с Адой по их зарплате, окончательно разорвав все финансовые связи с Чи Лином.

Выпускной неумолимо приближался. Бу Ли сдал финальный вариант диплома и вернулся в университет для защиты.

Научный руководитель по-прежнему источал елей, в каждом третьем предложении упоминая Чи Лина и обиняками прося передать тому привет. Бу Ли лишь отшучивался, мастерски уходя от прямых ответов.

Когда диплом наконец оказался на руках, в списке «семейных реликвий», пылящихся без дела в сундуке, стало на одну вещь больше.

«Четыре года коту под хвост», — думал Бу Ли, нанизывая мясо на шампуры.

Покончив с делами в университете, он внёс в список приоритетов план по лечению хронического ринита.

Обычно не отличавшаяся широкими связями Юй Сюань внезапно проявила удивительную осведомлённость. Она не только со знанием дела рассуждала о медицине, но и посоветовала Бу Ли нескольких светил — и традиционной китайской, и западной медицины. К каждому из них запись велась минимум за полмесяца. Кроме того, она обмолвилась, что как только он поправится и освободится, его всегда ждут на телевидении в качестве актёра массовки — подлатать дыры в бюджете. Вдобавок у неё наготове была целая стопка предложений по съёмкам в рекламе и работе моделью.

Бу Ли согласился. В конце концов, он был по-настоящему беден. Он прекрасно понимал, что этот внезапный порыв Юй Сюань — не случайность, а продолжающаяся опека со стороны Чи Лина, хотя тот больше ни разу не переступил порог его лавки.

Жизнь текла своим чередом, спокойно и размеренно, чего нельзя было сказать о происходящем в сети.

Внезапное исчезновение Бу Ли из медийного пространства уже вызвало волну обсуждений, а загадочное сближение Чи Лина и Фань Тун только подлило масла в огонь.

По совету Ады, Бу Ли опубликовал официальное заявление. В нём он указал, что был лишь

актёром массовки, а не постоянным участником шоу, и теперь, когда его миссия завершена, он намерен сосредоточиться на собственной жизни.

Проще говоря: его появление было случайностью, сотрудничество окончено, а фанатам их «пары» не стоит питать иллюзий.

Словно в ответ на эту холодную отповедь, Чи Лин сменил телефон на ту же модель, что была у Фань Тун. Количество одинаковых вещей на них двоих — от одежды и кепок до украшений — росло в геометрической прогрессии, стоило фанатам начать «раскопки». Их часто видели вместе у частной резиденции Фань Тун. На фоне этих «железобетонных» уликов новость об их бурном романе уже никого не шокировала.

У фанатов «пары» Бу Ли и Чи Лина мир рухнул на глазах. Но вместо того чтобы винить ветреного Чи Лина, они ополчились на Бу Ли: обвиняли в неблагодарности, отсутствии амбиций и в том, что он своими руками оттолкнул его. Самые агрессивные, сопоставив слухи о его возможном контракте с «GT», пришли к выводу: он просто нашёл ресурс пожирнее. Мол, хайпанул на Чи Лине, а как только подвернулась возможность «прыгнуть выше», тут же дал ему пинка под зад. Настоящий «подлый младший» — такой заслуживает только порции отборного хейта.

Контракт с «GT»? Бу Ли и сам был не в курсе. Он ежедневно читал эти комментарии как анекдоты. Непонятным оставалось лишь одно: с чего они решили, что он «младший»? В каком месте он вообще похож на «пассивного»?

Шоу стремительно приближалось к финалу. Темой последнего выпуска стала «Мать». Чтобы участники могли в полной мере проявить свои таланты, время на подготовку увеличили с одной недели до двух.

У Бу Ли возникло дурное предчувствие, и оно вскоре подтвердилось.

В финале, как и ожидалось, должны были схлестнуться Чи Лин и Мерида Фергюс.

Мерида уже освоилась с местными правилами игры. Она сделала ставку на «хайп через негатив» и вознамерилась любой ценой вытянуть Су Яньмина из ямы. Тот, усвоив горький урок, тише воды ниже травы строил из себя раскаявшегося грешника и вовсю заискивал перед публикой, чем сумел немного выправить свой имидж в глазах обывателей.

Цели Чи Лина никогда не ограничивались рамками шоу. Из-за его прошлых выходов интерес к его персоне начал постепенно угасать, а дизайн его команды казался менее профессиональным, чем у Фергюс. На первый взгляд, силы противников были равны.

Однако ситуация изменилась сразу после оглашения темы.

Команда Мерида Фергюс засучила рукава: они по несколько раз в день выкладывали закулисные кадры, демонстрируя неудержимое рвение к победе.

Со стороны Чи Лина — гробовая тишина. Камеры прямой трансляции были нацелены на его студию, но там не было ни души. Даже свет не включали. Лишь посреди комнаты одиноко застыл манекен. На него было надето винтажное кружевное свадебное платье — старомодный фасон, грубый материал, явно не работа великого мастера. Стоило ветру дунуть, как подол платья начинал колыхаться, и на фоне горной виллы это выглядело зловеще, будто в доме поселилось привидение. И эта картина не менялась двадцать четыре часа в сутки.

Посыпались вопросы и сомнения. Никто не понимал, что задумал Чи Лин.

Однако на этот раз не было ни ботов, ни оплаченных публикаций, ни чжифэнь, задающих тон. Любые выкрики, добрые или злые, пропадали в бездонной пустоте, не получая ни малейшего отклика.

В то же время в сети начали проскальзывать странные слухи. Появились вбросы, порочащие Чи Лина: под сомнение ставились его талант, характер, статус и даже происхождение. Кое-кто прямо называл его «светским мотыльком» без капли дарований, который лишь торгует красивым лицом и молодым телом, соблазняя богатых дам, чтобы те спонсировали его эскапады. Досталось даже его покойной матери — в сеть слили её биографию, даты рождения, образование и старые снимки.

Столь масштабная кампания по «разоблачению» явно координировалась профессионалами, при этом Мерида и биологический отец Чи Лина — тот самый главный дизайнер — оставались как бы в тени.

Бу Ли наблюдал за этим с растущим недоумением. Он тайком связался с Маньмань, главой фан-клуба, чтобы прощупать почву.

Маньмань рассказала, что то свадебное платье — вещь покойной матери Чи Лина. Организаторы шоу ведут себя по-скотски, а он, обладая мягким сердцем, не хочет идти на открытый конфликт и выражает протест вот таким безмолвным способом. Что же касается ярлыка «светского мотылька», то это чистой воды клевета — его талант очевиден всем, и в фан-клубе никто не верит этой грязи.

«Вещь матери?» — об этом Бу Ли не догадывался. А что касается «мягкого сердца»... Тут он позволил себе усомниться, хотя вслух озвучивать не стал.

Маньмань тем временем распалялась всё сильнее: костерила конкурентов за подлость и беспринципность, проклинала шоу за то, что те «едят человеческую плоть», спекулируя на памяти мёртвых. Больше всего её бесил телеканал: как они могли утвердить такой сценарий? Видно, забыли прошлый урок. Она уже собирала людей для новой волны протестов и спросила, не хочет ли Бу Ли присоединиться.

Бу Ли ответил, что как «неблагодарному младшему», ему лучше и дальше прикидываться мёртвым. Заодно он вежливо намекнул Маньмань, что фанатеть по дизайнерам — дело бесперспективное, и лучше поскорее «выйти из фандома», пока молодость не прошла, и найти себе какого-нибудь идола с приличным характером.

Маньмань с праведным негодованием отвергла этот совет. Она заявила, что полюбила Чи Лина за лицо и останется верна этому лицу до конца. Даже если он бросит дизайн и пойдёт собирать мусор, он всё равно останется самым красивым мусорщиком в мире, а значит — оно того стоит.

Бу Ли... был вынужден согласиться.

Возвращаясь к платью.

Ответ Маньмань немного успокоил Бу Ли. Он уже сталкивался с чжифэнь Чи Лина: они притворяются обычными поклонниками, но на деле тесно связаны с его командой. Кто, кроме него самого, мог знать о такой личной детали, как свадебное платье матери? Наверняка это был контролируемый слив.

Фандом уже гудел, и массовый взрыв был лишь вопросом времени. Видимо, поняв, что на любовной линии далеко не уедешь, они решили сменить тактику — разыграть карту сочувствия и устроить беспрецедентную акцию «защиты обиженного кумира».

Бу Ли старался убедить себя, что его это не касается, но, как выяснилось, он ошибался.

Спустя несколько дней, вернувшись с рынка на своём электрическом трицикле, Бу Ли обнаружил в лавке старую знакомую.

Это была Ада. Но пришла она не к нему, а к его матери, Го Чжэньхуа.

Двери лавки уже были открыты, хотя до начала работы оставалось ещё прилично времени.

Бу Ли ещё издали заметил Аду в окружении знакомых подчинённых. Они столпились внутри, плотным кольцом обступив Го Чжэньхуа так, что в крохотном помещении яблоку было негде упасть. Выглядело это так, будто они пришли качать права.

Бу Ли похолодел. Он спрыгнул с трицикла, растолкал толпу и в одно мгновение оказался рядом с матерью, как раз когда та говорила:

— Не смогу я это заштопать, и не просите. Ищите другого мастера.

Ада, согнувшись в низком поклоне, едва ли не молила:

— Мы многих обошли, всех расспросили. Все в один голос говорят, что лучше вас никто не справится. Пожалуйста, подумайте ещё раз. Деньги — не вопрос.

— Что здесь происходит? Вы что творите? — Бу Ли решительно задвинул мать себе за спину и воинственно выпятил подбородок, готовый в любой момент вступить в драку.

При виде Бу Ли Ада посмотрела на него со странным выражением — то ли с радостью, то ли с досадой.

После долгих расспросов Бу Ли наконец удалось восстановить картину событий. Оказалось, то самое свадебное платье на манекене изрядно побила моль. Ада была в полном отчаянии: она металась по городу в поисках мастера, способного восстановить кружево так, чтобы комар носа не подточил. Подобная филигранная работа была под силу лишь единицам. К тому же Чи Лин был знаменитостью, и многие мастера, боясь ответственности, отказывались даже за огромные деньги. В итоге ей подсказали, что во всём Наньши нет мастера искуснее Го Чжэньхуа. Так они и оказались на их пороге.

— Шеф всегда держал это платье под замком в сейфе. А когда пару дней назад достал, оказалось, что воротник изъеден... Прибавьте к этому всё, что сейчас творится в сети... Он уже три дня не выходит из дома. С ним явно что-то не так. Скажу честно: я пришла за спиной у босса. Мы всё ещё участвуем в «Звёздном гардеробе», вы же знаете. Вся команда сейчас парализована. Я не знаю, что делать, но если получится спасти платье, это может ему помочь. Я принесла фотографии, вот они все. Посмотрите, пожалуйста, изучите. Если нужны инструменты, нитки, ткани — я всё найду. Само платье привезти не рискнула — боюсь, если шеф выйдет и не обнаружит его на месте, случится беда. Если вы согласитесь, я в любой момент отвезу вас на виллу, чтобы вы посмотрели вживую.

Ада выглядела крайне измотанной. Она одну за другой выкладывала фотографии на стол перед Го Чжэньхуа, то и дело украдкой поглядывая на Бу Ли, словно опасаясь, что тот поймёт её неверно.

Го Чжэньхуа в молодости обучалась портновскому мастерству. Позже её наставник сменил профессию, индивидуальные заказы сошли на нет, и как раз в это время их семейный бизнес с едой начал вставать на ноги. Она занялась ремонтом одежды: ставила крошечную табуретку у входа в торговый центр и сидела там целыми днями. Бралась за любую работу, и всё у неё выходило идеально. Благодаря мастерству она зарабатывала прилично и не бросала это дело, пока Бу Ли не пошёл в старшую школу. Когда доходы от лавки выросли, она наконец оставила уличную работу.

Но даже после этого люди продолжали находить её по старой памяти. Ей несли брендовые вещи, сумки, даже тенты от дорогих кабриолетов. Го Чжэньхуа брала заказы по настроению, пока в прошлом году ей не сделали операцию из-за глаукомы. Врачи строго-настрого запретили ей давать нагрузку на глаза, и она окончательно отошла от дел.

В том, что Чи Лин ищет мастера, не было ничего удивительного. Но Бу Ли настораживало то,

что мать уже физически не могла выполнять столь тонкую работу, а Ада всё равно настаивала. Ему казалось, что во всей этой истории есть второе дно.

Бу Ли отвел Аду в сторону, решив выяснить, что происходит на самом деле.

Ада упорствовала, лишь бесконечно кланялась и умоляла Бу Ли уговорить мать помочь им.

«Раз уж пришла, значит, пришла просить о спасении, зная, что я не останусь в стороне. К чему теперь этот напускной официоз?» — поморщился Бу Ли. Промаявшись с ней ещё пару минут, он наконец дождался, пока Ада начнёт говорить начистоту.

<http://bllate.org/book/17508/1662075>